

ГЛАВА 1

ВАДИМ АВЕДОВ,
КАПИТАН В ОТСТАВКЕ, СПЕЦНАЗ ГРУ

— Берсерки хреновы... — с презрительной усмешкой проворчал снайпер, младший сержант Гришаев, поглаживая с любовью прицел своего «винтореза». — Таких учить надо...

Боевики шли в полный рост, вернее, наполовину шли широкими неуклюжими шагами, наполовину бежали, пошатываясь и спотыкаясь, что-то орали благим матом и поливали все окрестности очередями, не ображая, кажется, куда и зачем стреляют. Запросто могли бы и друг друга перебить. С перепугу и такое случается... Двенадцать матерых боевиков в камуфляжке, в бронежилетах, все с зелеными повязками поперек лба и надписями на повязках арабской вязью... Это было даже не отчаяние... Отчаяние — как правило, попытка спастись или хотя бы нанести противнику наибольший урон. Эти были элементарно одурелые, то есть «дури», похоже, основательно перекурили.

— Не-а... Это, Гришаня, не берсерки, это простые наркоманы... Таких и на наших улицах как грязи, — возразил Рома Берсерк, старший сержант. Вообще-то

он не Берсерк, а старший сержант Вершинин. Это я его Берсерком прозвал за отчаянный характер и бесстрашную натуру.

Мы уже час назад заперли отряд боевиков в ложбине. Двадцать два человека — все, что осталось от первоначального состава... Большой по нынешним временам отряд... Сейчас, не в пример прошлым временам, чаще банды мелкие встретишь, человека по три-четыре... Так прятаться легче и делать гадости исподтишка... А тут повезло то ли нам, то ли им... Скорее всего, несколько групп собрались для проведения крупной операции и на нас нарвались. На такую мысль наводила несогласованность действий. Один отряд обычно более четко действует, по отработанным сценариям.

Обложили мы этих с трех сторон, а с четвертой им путь отступления отрезал высокий утес. Ложбина как раз под этот утес с косогора круто сваливалась. Мы туда, в самый низ, еще вечером заглядывали. Грязи по колено — талая вода туда еще недавно стекала... Остался склон без снега прежде обычного — весна ранняя... А утес высокий, из каменной земли — не прокопаешь... Но нас самих не много было. Я на операцию только взвод из своей роты взял. Не ожидали такой встречи, поскольку осведомители доложили, что видели троих людей, похожих на боевиков. И в этой ситуации мы работали в полном соответствии с привычной тактикой спецназа ГРУ — на штурм не рвались и стремились уничтожить противника без непосредственного контакта.

Я в передовой дозор всегда выставляю пару парней с ручными пулеметами. По штату на взвод вообще

только один ручной пулемет полагается. Но если по правилам все бои расписывать, в первой же схватке половину состава потеряешь. Исходить можно только из реальной обстановки. И потому у меня в каждом взводе, отправляющемся на операцию, имеется по паре трофейных пулеметов. Именно трофейных, не оформленных документально, чтобы никто не возразил против нарушения штатного расписания. «Калаш», как он ни хорош, в скорострельности с пулеметом сравниться не может. Если в лесу, да еще в вечерних сумерках или на рассвете, как у нас случилось, неожиданно встретиться нос к носу с противником, даже очереди из двух автоматов двух-трех боевиков срежут, а остальные успеют среагировать и спрятаться в укрытие, а то и сами плотным огнем ответят. Пулеметные же очереди, когда их две, за пять секунд десятков положат. И ответить не дадут. Психология боя такова, что, когда в тебя из автомата стреляют, ты тоже ищешь возможность ответить из своего автомата. А когда в тебя шмаляют из пулемета прямо от пояса, скашивая подряд соседей и окружающие кусты, ты ищешь только укрытие, но не всегда успеваешь его найти...

У нас все так и получилось. И не в первый раз, кстати. Пулеметы в передовом дозоре играют решающую роль. На рассвете нос к носу столкнулись с бандой. Они тихо шли — прятались до какого-то им одним известного момента, мы — еще тише... Дозор, как и полагается, шел настороженно, готовый к любой неожиданности, и хорошо среагировал. На такое я всех своих ребят в роте хорошо натаскивал — сначала действовать, потом уже думать. Боец обязан работать на автомате. Сработали... Десятерых «покрошили» — на-

всегда. По большому счету целый джамаат¹. Остальные чуть дальше тянулись и отступить успели, но в панике, не сумев разобраться с ситуацией, отступили из леса на место, только кустами прикрытое, где видимость хорошая. Потому я и сообразил, что отряд у них сборный, не согласованный в действиях. В таком месте даже, пригибаясь, за кустами не спрячешься. А паника понятна — не всегда сразу на два пулемета нарываться приходится. Это самых «тертых» пугает. И напугало хорошо — для нас. Такой момент грех упускать!.. При преследовании через открытое место мы еще шестерых сразу положили, из леса не выходя и себя не подставляя, пока боевики до следующего леса спуститься не успели. Но двадцать два человека все же отошли, мы успели подсчитать. А нас всего тридцать два человека было... То есть первоначально бандитов было на шесть человек больше. Если бы они сразу сообразили, могли бы всем составом в лес на нас ломануться, на ближнюю дистанцию, тогда уже, как говорится, зуб на зуб, и — у кого натура шире, рви камуфляжку на груди, ори до одури, стреляй, бей, кусайся... Вести такой бой мы тоже умеем, хотя предпочитаем действовать иначе, чтобы избежать возможных потерь. Всегда так работаем.

Хорошо, что боевики нашего состава не знали. Они даже и следующий лесок с перепугу проскочили,

¹ Джамаат — в бандсоединениях чеченских боевиков — отдельное подразделение, как правило, численно равнялось общевойсковому отделению, но в отличие от него имело собственных специалистов различного профиля для самостоятельного ведения боевых действий: разведчиков, снайперов, минеров, минометчиков, гранатометчиков, санитаров и прочее, в зависимости от профиля своей деятельности.

боялись преследования по пятам. А мы перегруппироваться успели, открытое место с двух сторон четко обошли, чтобы не показываться и под возможные выстрелы не подставляться, и заперли их в ложбинке. А там уже дело свелось к классической технике «ленивой войны». Просто стреляли во все, что покажется подозрительным, на любое движение, на шевеление кустов... И снайпер наш душу отвел... И гранатометчик постарался — навесом бил. Миномета у нас, к сожалению, с собой не было, а то могли бы вообще ни одного снизу не выпустить. Но и так только двенадцать человек в итоге осталось. Те, кто нос в землю закапывать умел. Час они сидели, чего-то ждали... Вернее, известно, чего... Обкуривались. На это тоже время, наверное, требуется, чтобы до такой кондиции дойти, когда горы и долины, как камни и лужи, перешагивать можешь. А потом — обкуренным храбрости не занимать, в прорыв по фронту двинулись. Нас там, на центральном участке, десять человек залегло со мной во главе.

Мы их встретили без суеты, спокойным прицельным огнем, как на стрельбище... И далеко продвинуться не дали. Последнему я лично шагов с десяти пару пуль в голову вlepил. Очередь короткая. Я всегда стреляю по две, а не по три пули. Так более прицельно получается, и автомат не успевает влево отбросить.

— А ты, Гришаня, говоришь, берсерки... — наш Берсерк, кажется, даже обиделся за такое нелепое, с его точки зрения, сравнение.

Он бы, наверное, и на меня за свое прозвище обиделся, если бы знал, с чего я вдруг так обозвал его. Просто у меня дома пес, туркменский волкодав, иначе называемый алабай, имеет кличку Берсерк. Старший сержант Роман Вершинин на моего Берсерка характе-

ром сильно смахивает. Точно такой же неуправляемый, если в ярость войдет. Ничем его не остановишь. Страха не ведает. Но в обычной обстановке спокоен и держится с достоинством, не психопат.

Роман пошел в армию с последнего курса технического университета. Был почти готовым программистом, но устроил какой-то скандал в университете, когда его программу, как он говорил, декан выдал за собственную и опубликовал в монографии описание. Чем такие скандалы заканчиваются, известно... Но армия приобрела хорошего солдата, и я даже был благодарен за новобранца неведомому вороватому декану.

* * *

Меня и четверых солдат, в том числе и Берсерка, представили к награде. Тот бой был удачным. Но мы тогда даже раненых не имели.

А через неделю, когда уже в составе двух взводов я вышел на прочесывание лесополосы около железной дороги, где снова видели кого-то подозрительного, шальная пуля перебила мне кость в бедре. Очередь была длинная и неприцельная. Такая длинная очередь не может быть прицельной. И меня тоже обложили — сначала бинтами, а потом, в госпитале, гипсом.

— Все нормально будет, товарищ капитан. Вы поторопитесь с выздоровлением. У нас «дембель» скоро. Как без вас! — сказал Берсерк, заталкивая носилки в вертолет, прилетевшим санитарам помогая.

До начала демобилизации почти пятой части личного состава моей роты оставалось полтора месяца. Невозможно было успеть даже на костылях вернуться в часть хотя бы на несколько дней, чтобы парней проводить. Два месяца в лежачем положении, месяц в по-

лулежачем — бедренная кость во всем человеческом скелете самая мощная и срастается традиционно плохо... Три операции медицинские дались мне сложнее, чем десяток настоящих и трудных боевых. Раздумья, нервы, крушение планов и отсутствие новых... Паника, надежда, снова паника и снова надежда, мысли о своей ущербности и неспособности к дальнейшей жизни, такой, какой она раньше мне виделась... Потом — четвертая операция, и металлическая трубка в бедренной кости, равнодушная и усталая комиссия, и я — инвалид без костылей, но с палочкой, которую, по словам врачей, должен буду бросить еще через пару месяцев.

— Радуйся, что легко отделался, — сказал полковник медицинской службы, председатель комиссии. — На сантиметр бы в сторону — дыра в артерии. В полевых условиях тебя спасти бы не удалось. Кровь через бедро за пару минут вся вытечет.

Он похлопал меня по груди, прислушался и похлопал снова, потом пальцем провел по моим орденам и крестам — для убедительности, чтобы посочувствовали, оценили и из армии не гнали, я их все на китель выставлял. Не помогло.

Прощай, служба...

* * *

Вы когда-нибудь в жизни встречались с настоящим берсерком?.. Нет?

Вам повезло... Но если любопытство мучает, тогда советую — переберитесь через забор ко мне во двор деревенского дома. Не забудьте перед этим рыцарские доспехи надеть потяжелее и покрепче, но я, извините, не уверен, что это вас спасет... Препятствия, которыми могут стать в данном случае доспехи, всегда

приводят Берсерка только в ярость, с которой ни я, его хозяин, ни он сам совладать не в состоянии.

И это — не думайте! — не мои выдумки. Когда европейские и сарацинские рыцари пытались противопоставить ярости настоящих викингов-берсерков прочность своих доспехов, те не выдерживали и в итоге спасти не могли. Настоящие берсерки доспехи презирали, как и щиты, и шли в бой в белых рубахах и с двумя мечами. Они страха и сомнения не знали...

Берсерк — мой трехлетний белый алабай, существо, не знающее страха и сомнения и не отступающее ни перед какими угрозами. Его белая рубаха — длинная шерсть. А единственная для него власть — это я, с первых месяцев жизни вдолбивший в понятливую щенячью голову мысль о присутствии командира в роте, то бишь вожака в семейной стае. А единственная угроза, перед которой он все же отступал и смирял свой нрав, это венник в руках моей жены — она приучала к порядку Берсерка еще тогда, когда он не вошел в силу и был существом не слишком опасным. Сейчас без венника он и жену не слишком слушает, хотя очень ее любит. Еще бы не любить свою кормилицу. Любой пес, а особенно обладатель алабаевского интеллекта, который на протяжении шести тысяч лет соседствовал с человеческим, должен понимать, что это за труд — прокормить восьмидесятикилограммовое белое чудовище, никогда не страдающее отсутствием аппетита. Целую человеческую семью прокормить куда как легче...

Дом в деревне я специально и купил ради своей собаки. Ну, может быть, чуть-чуть для себя и своей семьи. Город для такой большой псины слишком тесен и многолюден. Зимой приходится мириться с обстоя-

тельствами и поводком, а порой и с намордником, а уж летом Берсерк живет в свое удовольствие. Правда, ради удовольствия всех других, в первую очередь деревенских собак, пришлось построить глухой забор высотой чуть больше двух метров, потому что два неосторожных свободолюбивых кобеля, которые нашли дыры в старом заборе, успешно убежать не сумели. Все-таки алабай считается бойцовской породой, а уровень владения клыками и телом у самых опытных деревенских драчунов на три порядка ниже.

Но все утряслось быстро, и к забору Берсерк привык, как деревенские собаки к угрозе за этим забором. Он, конечно, пробовал перепрыгнуть, когда за забором пробегали эти самые собаки, он узнавал их по запаху, но — чуть высокоовато даже для него. И среди людей, желающих проверить, что такое настоящий берсерк, в деревне охотников не нашлось. Если кто-то приходил по необходимости, я своего пса, с его точки зрения, несправедливо наказывал — сажал на двойную крепчайшую кованую цепь, сделанную по специальному моему заказу, — магазинные цепи Берсерк рвал в свое удовольствие. Натянул — ослабил, натянул — ослабил, и третье уже не натяжение, а рывок — и звенья цепи разлетаются... Кованая и сваренная в местах соединения цепь пока с его силищей успешно боролась. И гостей спасала. Потому гостей Берсерк и не любил. Я своей хромоты все еще стеснялся и тоже не любил их. Хотя к травме начал понемногу привыкать, да и хромать стал заметно меньше. Без палочки уже ходил.

Два года уже минуло, как пришлось привыкать.

РОМАН БЕРСЕРК,
ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ

Я еще только на работу собирался, когда позвонила мама. У них там, на Урале, уже рабочий день начался. Могла бы догадаться, что у нас разница в два часа и я в это время, как обычно, тороплюсь. Но она не привыкла считаться с чужими ощущениями и мнениями. Всегда только себя видит и считает, что все остальное просто обязано под нее подстраиваться. Ее свободное время — это ее свободное время, и если она его, свободное время, чему-то посвящает, то этому же должен быть отдан досуг всех остальных.

— Как у тебя дела, Роман? — она говорила таким тоном, словно находилась на планерке в своем директорском кабинете.

Впрочем, определитель на аппарате показал, что она как раз и звонила из своего кабинета. Только едва ли во время планерки. Ее она чтит чуть ли не верховным божеством в золотистом ореоле, и посторонними делами на ней заниматься не будет. В прошлом году мне соседи рассказывали, что, когда умерла бабушка, они позвонили матери с сообщением, но она разговаривать не стала, сказала, что позвонит сама после планерки. Даже соседи этого не понимали. Я, однако, к такому привык с детства.

— Слышал, что пока еще жив.

— Я рада, что такие слухи ходят.

Отношения у нас с мамой сложные. Сколько помню себя, ей всегда было некогда показать сыну доброту и ласку. Всегда занята, а сыном должна заниматься бабушка-пенсионерка. Но родителей не выбирают. И приходилось довольствоваться тем, что есть.

— Ты, мам, просто так звонишь или по делу?

— Торопишься? — в ее голосе недовольство почувствовать нелегко, потому что недовольна она всегда, но я уловил.

— На работу собираюсь...

— С женой отношения не наладил?

— Бог миловал...

— Ладно, это ваши дела... Я вот что... Тут мне звонили, привет от отца твоего передавали. Объявился он, видите ли... Но сам не позвонил, через посторонних... Общих знакомых...

— И что?

Я спросил намеренно равнодушно, подыгрывая маме, хотя умиротворения в душе, конечно же, не испытывал. Но и то, что волновало, только чуть-чуть выходило за грань любопытства. Меня с детства приучали к мысли, что отца у меня физически нет. То есть говорили, что он есть, но при этом — нет его. Хотя и не объясняли толком, почему так должно быть. Мама с отцом жили недолго, и брак не регистрировали. Я даже фамилию его не знаю. Спрашивал у мамы и у бабушки, не говорят. Не хотят, чтобы я его разыскивал.

— Я сказала, что не помню такого. Потом про тебя спросили. Хотели тебе посылочку передать... Я сказала, что ты в другом городе живешь и не желаешь иметь с ним дела.

— Ты немножко поторопилась. Я был бы не против взглянуть на него... Но — ладно, как сказала, так и сказала.

Отец ушел от матери, не вытерпев, как я думаю, ее напористого характера, за два месяца до моего рождения. Бабушка говорила, что он позже дважды объявлялся, не возвращался к матери, а только хотел на ме-

ня посмотреть, но его не подпустили. Потом он совсем исчез, на двадцать четыре года.

— Не надо тебе с ним встречаться, — сурово произнесла мама.

Признаться, другого я и услышать не ожидал. Но спорить с ней я не люблю. Я никогда не вздорил с ней, только поступал по-своему. И из-за этого у нас всегда возникали конфликты.

— Тебе виднее. — Мне в самом деле стоило потопириться, потому что не законченная вчера работа ждала меня. А завершить ее вечером я тоже не мог, потому что сразу после работы на тренировку по «рукопашке» спешил. Соревнования скоро...

— Он не тот человек, с которым стоит иметь дело... — Мама хотела, кажется, еще долго настаивать на своем. Она могла одну и ту же фразу повторять деловым суровым речитативом и три, и пять, и десять раз...

— Я же сказал — тебе виднее. Я опаздываю на планерку.

Вот это для нее было свято — мне подвернулся нужный козырь.

— До свидания, сынок.

Но и слово «сынок» было произнесено очень деловому. Наверное, иначе говорить она уже и не умеет. Мама — большой человек... Навскидку я и не вспомню еще какого-то директора и совладельца крупного металлургического предприятия — женщину... Она — уникум, и этим гордится...

* * *

Мой ярко-синий новенький хетчбек «Мазда-3», приобретенный два месяца назад по случаю удачной продажи эксклюзивной программы восстановления

памяти поврежденного винчестера, стоял во дворе неугнанный. Это радовало. Но угнать его было, по моему мнению, и невозможно, поскольку я превратил «Мазду» в компьютер на колесах, закачав в машину собственную программу контроля за запуском двигателя. И без знания некоторых особенностей начертания моих отпечатков пальцев двигатель бы просто не запустился, как не открылся бы и капот, чтобы дать возможность угонщику выдрать всю электронную начинку и запустить двигатель без этого. Сенсорное устройство в зеркале заднего вида служило контроллером запуска. Просто и непонятно постороннему.

Вставив в замок зажигания ключ и провернув его, я нажал большим пальцем на зеркало строго в нужном месте — будто бы зеркало случайно подправил, и только после этого запустился стартер. Рукоятку селектора в положение drive — второе нажатие на зеркало, и разблокирована педаль газа. «Мазда» плавно тронулась к выезду из двора. Немножко долго, зато надежно. Пропустив несколько машин, я выехал из двора и сразу перестроился во второй, а потом, воспользовавшись моментом, и в третий ряд, где можно было ехать быстрее, потому что поворотов налево, способных заставить надолго встать, поблизости не было. Но взгляд в зеркало заднего вида заставил меня недовольно хмыкнуть и резко оттянуть узел галстука на горле, словно он жестокой удавкой душил меня. И в самом деле в горле на какое-то мгновение встал гневный жесткий комок...

Опять!.. Не люблю такого...

С кем вообще-то неприятностей в жизни не бывает?.. Вообще не бывает... Покажите мне такого человека... А со мной они случаются регулярно по причине

моего мерзкого, как бывшая жена говорила, характера. Она меня звала в свое время «пробкой в бутылке шампанского». Чуть-чуть свободы, говорила, — и взрыв... Я возражал, мне справедливо казалось, что сравнение принципиально неверно, потому что я взрываюсь не от свободы, а от ее притеснения. Свою свободу я всегда люблю и тщательно лелею, а вот притеснения органически не терплю. С самого детства. Мама так невольно приучила. Ей я не возражал — единственной, и потому мне очень хотелось возражать всем другим, что я и делал, чтобы самоутвердиться. Но возражал я всегда справедливо. Жена же вообще корней моих возражений не понимала, потому что это она была тупа как пробка. Ей собственное сравнение нравилось не меньше, чем какому-нибудь профессору, купившему по дешевке диссертацию, ученая степень. Она от такого умнее себе казалась, а это уже значило для нее все... Но не в ней, кстати, дело. Уже полгода, как расстались, и этому следует еще полтора года громко радоваться. Дело в том, что в неприятности, при жене, без нее ли, я влипаю регулярно, по какому-то непонятному мне расписанию. Но у всех неприятностей должна быть причина. Причем видимая, поскольку жизнь я веду достаточно открытую, практически без тайных дел, которыми кто-то может по большому счету заинтересоваться. Так, разве по мелочи... И случалось, что видимая причина, когда я лез на рожон, становилась знаменем в разгорании конфликта. В последнее время, правда, я начал «взрослеть» и серьезных столкновений не было. А несерьезные в счет брать не хотелось.

Однако, чтобы так плотно «на хвост» садились и при этом еще долго не «наезжали» для выяснения си-

туации — не люблю, да и точка! Лучше бы уж сразу «наехали», и дело бы кончилось давно с тем или иным результатом. Но главное — и в воздухе бы ничего не висело. Для меня неопределенность хуже водки с сахаром. Человек я такой... Не зря меня в армии наш командир роты Вадим Палыч, хороший человек, капитан Аведов, Берсерком прозвал... Как после армии за мной кличка сохранилась, понятия не имею... Но сохранилась. Кто-то ее и в гражданскую мою жизнь принес... Я не возражаю, мне самому она нравится.

Но третий день в тупом неведении — это для любого, даже самого захолустного берсерка слишком. Тем более что, перебрав все времена недавние, я не нашел за собой ничего такого, что могло бы вызвать у кого-то желание разобраться со мной. Чист я, и это преследование меня давит... Непониманием...

Вчера по делам еду, встреча, которую не всем видеть следовало, предстояла, а они позади плетутся: то отстанут, то приблизятся на старенькой и многократно побитой «Шкоде Фабия», я психанул, сам решил выяснить. Остановился, кажется, даже под знаком, вышел из машины, руки в боки, смотрю в упор — они влево резко взяли, будто отпрыгнули, даже сигнал поворота включить не успев, и сквозанули, козлы... Думал, уж совсем исчезнут, если, лохи, надеялись на «сынка» нахрапом «наехать»... Нет, через час снова объявились, около конторы меня ждали, на противоположной стороне. Я уже остыл, уже не хотелось кулак о чей-то нос почесать. Значит, не лохи и дело знают, только ведут себя непонятно. И даже машину сменить не потрудились. Только на заднее сиденье еще пару человек посадили. Четверо на одного — уже серьезнее... Но я сам четверых стою, хотя весом чуть-чуть за семьдесят

перевалил, а ростом едва до ста семидесяти пяти не дорос! Кто сталкивался, знает, что стою, — не хвастаюсь. Знать бы это надо и им, если прут, как с вилкой на танк.

Номер машины я, конечно, в память сфотографировал. Вечером позвонил знакомому менту-подполковнику, которому с помощью собственной программы-сателлита систематизировал в компьютере отделения базу данных, попросил номер «прокачать» и данные на водителя мне сбросить... Я бы и сам мог в базу данных МВД влезть, но зачем лишние хлопоты и риск, если можно проще узнать. Утром он сам позвонил, сказал, что водитель — так, из мелких «кидал», типа «наперсточников», хотя две с половиной «ходки» имеет. Первая — по малолетке, потому только за половину протянет. Потом две по мелочи...

Таких встречал. Лапы, как правило, в татуировках, гонор сзади из штанов вываливается, а толку от них мало. Одним словом, «кидала» может быть только «кидалой», и ничем больше... Но какой интерес может быть у него ко мне? Никакого... Следовательно, вопрос ко мне имеет тот, что справа от «кидалы» сидит или даже вообще третий человек, который их посылает за мной следом. Посылает или нанимает — тоже есть разница, но это не принципиально важно. Главное другое — в чем этот интерес заключается...

* * *

Дорога постепенно загружалась, готовясь к скорым пробкам...

У меня даже мысль шальная мелькнула — а не от папочки ли родимого этот след тянется. Мало ли... Но

эту мысль я быстро отбросил. «Хвост» уже третий день липнет, а папочка мамочке только сегодня утром, как я понимаю, позвонил. Даже не сам, а через общих знакомых, как она сказала. Если бы он позвонил вчера, она бы тогда же мне сообщила. Да и вообще, кто такой мой папочка, я не знаю. Отчего мне так хочется приписать ему поиски далеко живущего сына и даже способность послать людей на его поиск... Романтично... Каждому брошенному сыну так, может быть, хочется. Но нереально. Искать другое следует... А для поиска я, программист с изощренным складом ума, ничего не смог иного придумать, как применить силу и спросить — что этим друзьям от меня надо. И пусть их опять в машине четверо. Это меня не остановит. Хотя лучше все же подстраховаться и начать действовать около конторы. Там всегда выскочат на помощь охранники. Они у нас парни крепкие, а двое сегодняшних дежурных даже в спецназе ГРУ, как и я, служили. Один даже в нашей бригаде, только на год позже призывался. Целый год вместе служили, но в разных батальонах. А познакомиться, к сожалению, не удалось.

Ехал я быстро, но в зеркало поглядывал часто. И потому уже через минуту вовремя похвалил себя за продуманность действий. Не зря все же два года прослужил в военной разведке. Спецназ ГРУ — школа хорошая и учит поступать правильно в самых сложных ситуациях. И характер смирять учит. Сегодня за мной уже не одна «Шкода Фабия» тащилась, а еще через пару машин — старенький, как «Шкода», «Фольксваген Гольф» из первых моделей. Такой машине давно бы пора перестать бегать, но еще, оказывается, служит... Если преследуют двумя машинами, это уже интерес-

нее и предвещает что-то новое, какое-то действие. Но в двух машинах может оказаться больше людей, чем нужно для того, чтобы хорошенько их побить. И потому до конторы лучше доехать вовремя. И останавливаться, конечно же, следует ближе к крыльцу, чтобы охранникам бежать было недалеко.

Испугаться я не испугался. Не было причины, чтобы пугаться, ничего страшного за своей спиной я не чувствовал. И даже азарт какой-то появился, как в компьютерной игре, хотя я до этих завлекалок не большой охотник. Но азарт есть азарт. Бывает так: или страх, или азарт... Это я с войны помню... И еще с той войны усвоил необходимость правильно вести себя в сложных обстоятельствах. Нас так хороший человек, наш командир роты капитан Аведов, учил. Где-то он сейчас?.. Наверное, опять в Чечне.

Бригада наша стояла от Чечни недалеко, в Моздоке, и туда нас гоняли регулярно. А командир роты с каждым отрядом отправлялся. Служба у него такая. Потом его ранило. На моих глазах, когда он в метре от меня шел. И я помогал хилым санитарам тащить носилки с капитаном до вертолета. Проститься с ним не удалось. Когда «дембель» подошел, капитан еще в госпитале лежал, здоровье поправлял. А нас по домам отправлял сам командир бригады, полковник. И привет всем от выздоравливающего Вадима Палыча передал.

Капитан Аведов. Вот бы кого сейчас сюда, в помощь... Уж он-то помог бы разобраться с ситуацией. Даже против двух машин и даже трех... Если уж мы себя хорошими квалифицированными разведчиками считали, то что же о капитане говорить, когда он все

умел делать лучше нас кратно. А о том, чтобы победить его в «рукопашке», даже спортсменам в этом виде не стоило мечтать.

* * *

Я поехал медленнее, чтобы чаще пользоваться зеркалами. До конторы мне добираться недалеко, и хотелось успеть разобраться, кто во второй машине сидит. Узнать хотя бы количество противников. Теперь я уже достаточно хорошо понимал, что против меня нечто замышляется. Но что и с какой целью? Конечно, это не банальные разборки за то, что кому-то высказал в лицо свое мнение, причем публично, как было в прошлом году. И даже не за то, что оставил кому-то синяк под глазом или даже заставил человека потратиться на вставление зубов, что нынче неестественно дорого. Такое тоже прежде случалось. Но сейчас намечалось нечто другое, не совсем пока понятное. Мне постоянно видно было только краешек этого «Гольфа». Впечатление такое, будто они специально от меня прячутся. Следовательно, не желают показать, что соотношение сил еще более изменилось. А когда меняют соотношение сил, оставляя резерв до момента «Х» в засаде? Только тогда, когда готовят активные действия.

Я эту предполагаемую активность вовремя просчитал, следовательно, хотя бы от неожиданности себя обезопасил...

После поворота на другую улицу убедился, что так, скорее всего, дело и обстоит. «Гольф» опять держался строго через две машины от «Фабии» и искал такое место, чтобы не светиться передо мной. Это еще боль-

ше разожгло мой интерес. До такой степени, что я забыл перестроиться из третьего ряда во второй перед перекрестком, где был популярный поворот налево. Все машины третьего ряда налево поворачивали. Но для этого им предстояло пропустить встречное движение, а это, при интенсивности московского движения, процесс затяжной. И я, слегка ругнувшись за свою оплошность, застрял среди машин третьего ряда, ожидающих зеленого сигнала светофора, с тем чтобы потом пропустить встречный поток и только в последний момент повернуть. Они повернут, а я, как дурак, выстояв, грубо говоря, очередь, проеду прямо. Хотя, может быть, так и лучше... Ибо я сразу высвечу своих преследователей, и они, возможно, застрянут здесь дольше, чем я. Хотя скорее бы до конторы добраться, а там все решать с помощью охранников. Здесь я в машине блокирован. И вполне могут просто подойти, пешком. Если наглости хватит... Мне, к сожалению, даже защититься нечем, кроме кулаков. Но они у меня хорошо поставлены. Правда, кулаки, как правило, бывают бесполезны, если подойдут близко и приставят к голове пистолет...

Я стоял, зажатый сзади и спереди, и ждал. И во второй ряд переехать уже было нельзя, потому что он оказался занятым. Причем только-только, в последний момент в него втиснулся маленький «мерин»¹ класса А, а за ним никого не было... При лучшем раскладе, если в левом ряду двинется раньше, я успею за «мерином» свернуть и проехать прямо. Для этого надо только одно. Чтобы за ним во втором ряду очереди не выстроилось.

¹ «Мерин» (жарг.) — «Мерседес».

Я смотрел в зеркало на второй ряд. Видел, как издалека приближается машина, бросал взгляды на светофор, который вот-вот должен был засветиться зеленым окошком, и вовремя увидел, как из третьего ряда вдруг вынырнул тот самый «Гольф» с новыми преследователями. У меня возможности выехать вообще не было никакой, ни в одну сторону: встречная полоса отделена не просто сплошной разделительной линией, как на других дорогах, но и узким газончиком с высоким бордюром, недоступным для низкопрофильных колес моей «Мазды». Да и для серьезного внедорожника бордюр оказался бы высоковатым. Разве что «Хаммер» смог бы с ним справиться, потому что не имеет низких обвесов. Оставалось только надеяться на удачу...

Я отстегнул ремень, приготовившись выскочить из машины, как только «Гольф» приблизится. Но тот ко мне не подъехал. В правое зеркало я хорошо видел, как он остановился рядом со «Шкодой Фабия», из окна заднего сиденья высунулось два автоматных ствола, и раздались резкие короткие очереди. Из «Гольфа» расстреливали моих преследователей. Значит, «Гольф» преследовал не меня, а «Шкоду». Но я и «Шкода» были в данный момент взаимосвязаны. Почему-то я ждал, что такие же очереди могут через минуту раздаться и в сторону моей новенькой «Мазды», и приготовился открыть дверцу, чтобы вывалиться из машины влево.

Но в зеркало смотреть продолжал, чтобы не пропустить момент. Мне показалось, что человек на переднем пассажирском сиденье мне слегка знаком. Но узнать его до конца я не смог. Автомобильное зеркало

слишком мало, чтобы пристально рассматривать человека, да еще в такой обстановке.

Зеленый сигнал светофора загорелся вовремя, машины впереди меня плавно тронулись, а во втором ряду не просто тронулись, а рванули подальше от выстрелов, поскольку вперед ехать им никто не мешал. И «Гольф» тут же помчался стремительно. Мимо меня, куда-то подальше...

А я, тоже машинально тронувшись в общем потоке, все еще держал левую руку на замке дверцы, готовый открыть ее и выпрыгнуть из машины. Оцепенение прошло только после того, как я выехал на перекресток и нажал на педаль газа, чтобы не повернуть, как все, налево, а проехать прямо.

Зеркало заднего вида показывало мне, как поток машин объезжал застывшую на месте «Шкоду Фабию». Никто не желал быть свидетелем, никто не хотел даже глянуть, живы ли те четверо в машине... Остановиться — значит поставить себя под угрозу точно такого же расстрела. Не желал этого по вполне понятным причинам и я.

ГЛАВА 2

**ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК,
КАПИТАН, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА**

Такие дела никто не любит. Слишком мала перспектива раскрытия. Но я как раз только появился в своем кабинете, и мне выпало выезжать на происшествие вместе с дежурной следственной бригадой.

Причем сообщили о нем даже не свидетели, как чаще бывает, а парни из ДПС¹, прибывшие на место перестрелки, судя по всему, через десять минут после нее. Значит, и свидетелей отыскать будет трудно, если вообще возможно будет найти...

Правда, один из пострадавших остался жив и с многочисленными пулевыми ранениями был доставлен в больницу. Может, выкарабкается... Хоть этот, хочется надеяться, даст показания. Я сразу послал лейтенанта Костю Суглобова в больницу, чтобы сидел там безвылазно и смог провести допрос при первом удобном случае.

Москва в эти часы всегда бывает тяжелым по характеру городом. И доехать до места перестрелки трудно. Пешком дойти, может, быстрее получилось бы. Мы еле-еле ползли по улицам, несмотря на включенную мигалку и звуковой сигнал, но машины стояли так плотно, что даже по встречной полосе движения проскочить было невозможно. Как только «Скорая» сумела успеть туда вовремя? И даже раненого вывезла.

Уже в дороге я принял сообщение из управления административного округа. Пострадало еще три машины со встречной полосы движения. Шальные пули. Водители сразу предпочли смотаться с места преступления, но в страховые компании им все равно придется обращаться, следовательно, нужна будет справка от нас. Потому только и позвонили. И сами обещали приехать. Но лучше было бы, если бы я допросил их уже после первичного осмотра на месте преступления. У меня наверняка появятся наводящие вопросы.

¹ ДПС — дорожная патрульная служба.

«Сигналка» мигала, сирена нудно подвывала, машина без конца дергалась и продвигалась вперед короткими рывками. Это злило, мысли в голове вставляли нехорошие, злые, активные... Вообще-то автоматные очереди в светлое время на оживленной улице — это очевидный беспредел. Его следует пресекать сразу и жестко, в корне, чтобы не было желания повторить... Эту истину я усвоил давно...

Я не застал тех времен, когда стрельба из автоматического оружия в центре Москвы считалась явлением привычным. Вернее, я не застал их сотрудником милиции. В начале девяностых еще в армии служил и не думал никогда, что в менты подамся, пока не столкнулся лицом к лицу с тем, что вокруг начало твориться. Как на гражданке, так и в армии. И только чувство самосохранения, сработавшее однажды, что-то перевернуло в сознании и сделало из меня, тогдашнего солдата-срочника, мента в душе.

Я не говорю уже о том, как служили мы, тогда молодые солдаты, полуголодные и частенько побитые. Не так чтобы слишком, но все же доставалось нам. Хлебнули и от «стариков», и от офицеров, и от вороватых прапорщиков-кладовщиков, все солдатское считающих своим собственным, начиная с того, чем солдат кормить полагается. И потому они сами, в то время когда жалование месяцами не получали, хари необхватные отъедали, а жены у прапорщиков вообще в свиноматок превратились. Конечно, грех всех огульно оговаривать... Но, по крайней мере, запомнил жен прапорщиков нашей части — сам имел удовольствие лицезреть их недовольные брезгливые физиономии с заплаканными глазами, когда нас гоняли работать «по хозяйству». Времена такие были, как говорят, но про-

тив них раздражение нарастало постоянно и неуклонно и по сей день не проходит.

Мы тогда занимались охраной военных складов. Рутинная служба, достаточно простая, не требующая особого обучения. Наша часть стояла в Ставропольском крае, недалеко от границы с беспокойной Чечней, но с сепаратистами война тогда еще не началась, однако всех кавказцев, что встречались в городке, мы, да и все остальные, называли почему-то чеченами. И все ЧП, что происходили в части, привычно списывали на них. А ЧП у нас случались регулярно. И солдаты пропадали. Только на моей памяти — трое... Их вообще-то дезертирами объявили. Может, это и так, но поговаривали, что их в рабство похитили. В горы... Даже ходил слухок, что командиры солдат продавали... И потому на своих офицеров мы с опаской поглядывали, а то и с ненавистью.

И склады у нас регулярно обворовывали. Тоже чечен обвиняли даже тогда, когда никого из кавказцев близко не показывалось. А когда появились, солдатская молва шепотом передавала сведения о том, что чечены почти открыто приезжали на склады, и их машины загружали по приказу кладовщиков всем, что требовалось. В том числе и нашими продуктами. Солдатам оставалось только вздыхать и готовить на ремнях новые дырки — животы подтягивало. Пожаловаться было некому, потому что и военная прокуратура подпитывалась с тех же складов.

Тогда вот у меня впервые и появилась мысль о том, чтобы стать ментом. Сначала даже хотелось стать военным прокурором, чтобы и за своими следаками следить, и каждого, отслужившего в должности пра-